

Годовая цѣна I-го изданія:

Съ 12 иллюстрированными картинками:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	4 р.	—	к.
— — — — —	5	—	—
— — — — —	5	—	75
Въ Москвѣ безъ доставки . . .	4	—	75

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“

выдается въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ съ 1500 иллюстрированными картинками въ текстѣ, 12 страницами изображеній, 6 картинками изображеній, въ которыхъ изображены и 12 разн. 24 раскрашенными картинками парижскихъ модъ.

Объявленіе въ журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ принимается въ Конторѣ Редакціи и выдается плата за такое же 10 коп. за строку текста какъ за ее въсто.

Годовая цѣна II-го изданія:

Съ 24 иллюстрированными картинками:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	5 р.	—	к.
— — — — —	6	—	—
— — — — —	6	—	75
Въ Москвѣ безъ доставки . . .	4	—	75

Содержаніе: Современныя нравы парижанокъ. (Продолженіе). — Подруга и Любимъ. Копіи въ одномъ дѣлѣ. — Фелатонъ. — Сѣкъ. — Общественное воспитаніе парижскихъ дѣтокъ. — Общественное воспитаніе.

СОВРЕМЕННЫЕ НРАВЫ ПАРИЖАНОКЪ.

Историческій очеркъ Гавка Вазекселева.

(Продолженіе).

Что совсѣтъ некогда въ проекты нашего соблазна. Свои счастье онъ представлялъ себѣ не съ этой точки зрѣнія, но у него не достало и смѣлости протестовать противъ такого труднаго и опаснаго двенадцатидневнаго путешествія.

«И такъ, г-нъ де Сентъ-И, сдѣлавъ доволную минуть и сѣрлы кошель, серебряныхъ у него въ душѣ. Уложились. Похвали. Вечерній побѣдъ желанной дороги привезъ въ Гавръ молодую женщину блѣдную, дрожавшую и г-на Сентъ-И. бормочаго съвошь зубы: проклятая исторія!»

На слѣдующее утро должень быть отпавать въ Америку пароходъ, который стоялъ уже готовый въ гавани.

Чѣмъ ближе подходила минута покинуть отечество, тѣмъ рѣшительнѣе становилась молодая женщина.

Соблазнаженіе-же напротивъ былъ не въ духѣ, тревожилась и бормотала что-то бесцельно про себя.

Но утру оба вышли изъ отеля, багажъ былъ уже на пароходѣ, дымовая труба выбрасывала густые сѣрые клубы на воздухъ.

Г-нъ де Сентъ-И. бросалъ кругомъ взгляды, какъ будто отыскивая кого-то.

Вдругъ его лицо прояснилось. Онъ замѣтилъ въ группѣ зрителей на берегу, супруга своей возлюбленной.

Г-жа де Х. замѣтила его въ ту же минуту.

— «Мой мужъ!» вскричала она блѣдная. Мужъ стоялъ неподвижно какъ статуя.

Звонкомъ подавъ послѣдній сигналъ къ отпаванію.

— «Мой мужъ!» повторила виновная жена и какъ то механически двинулась въ его сторону.

Онъ съ ледяной холодностью взглянулъ на нее и подавъ ей письмо.

«Вы угадаете съ подзаголовкомъ! сказалъ онъ небрежно. «У него не хватало мужества бѣжать съ нами! Это анонимное письмо, извѣщающее меня о вашемъ бѣгствѣ, написано имъ самимъ!»

Блѣдная какъ смерть читала она письмо, а между тѣмъ соблазнаитель исчезъ....

А какіе существованіе влзачить теперь эта женщина, которая конечно оказалась невѣрной, но не падшей и пожала по крайней мѣрѣ положить цѣлый океанъ между своей виною и обманутыми мужьями.

Мужъ не дѣлаетъ ей никакихъ упрековъ; ни одного слова о ея неудачной побѣдѣ не сорвалось съ его губъ. Но теперь, она любитъ своего мужа, любить его той громадной, всепоглощающей любовью, которая не оставляетъ мѣста никакому другому чувству.

А онъ не любитъ ее и она это знаетъ. Онъ никогда не полюбитъ ее и это будетъ ее смертнымъ приговоромъ.

Чего-бы недала она хотѣ за одинъ упрекъ, за одно жестоко слово! Но онъ молчитъ и презираетъ и она молчитъ и страданіемъ искупаетъ свой грѣхъ.

У.

Genre Benoiton. — Репутація одного князя, Femme du monde. — Мизерность высшаго общества. Что такое Femme du monde? — Madame у себя дома, въ салонѣ и въ банѣ.

Очень не давно былъ въ Парижѣ прощессъ, окончившійся въ невыгодѣ обличателя.

Это потому, что парижские суды гораздо тщательнѣе охраняють репутацію женщинъ, чѣмъ — сами женщины.

Пьеса „La Famille Benoiton“, известная и на иностранныхъ театрахъ, но некая даже и представить себѣ того общественнаго значенія, какое она имѣетъ во Франціи.

Саргу бичевалъ въ этой пьесѣ нѣсколько семейную жизнь, суестьность и небрежность воспитанія, безумство моды, но и стремленіе женщинъ выставить а joint, въ неприличнѣйшемъ и экзентричномъ костюмѣ, всю свою внутреннюю развращенность и пустоту.

Даже не притыдывая публику, слово «Benoiton», сдѣлалось еще известнаго рода опредѣленіемъ, Benoitonerie — известнаго рода общественной насты. Въ театрѣ бросались толпами, чтобы видѣть самихъ себя у позорнаго столба. Фирмованность костюма, нравовъ, воспитанія и семейной жизни, стали съ тѣмъ поръ называть «genre Benoiton», а изъ женщинъ, каждая старалась переигрывать другую въ этомъ жанрѣ.

Каждая «Femme chic» должна была быть Benoiton; это было лозунгомъ.

Подъ шиварной женщиной, въ Парижѣ разумѣютъ женщину безупречную во вѣщности, т. е. такую, которая на нѣсколько сажень по возможности опредѣляла-бы самую сушеснедшія выходки моды.

Категорія Бенуатоновъ преобладала. Въ видѣли исходу; въ Булонскомъ лѣсу, на скачкахъ, въ Денсинѣ и Труаннѣ, на дачахъ знатныхъ людей, на бульварѣхъ и, даже у Бюлье въ Closieres des Lilas, случались мнѣ разъ слышать, какъ одна кокетка обыкновеннаго разряда, сказала про одну изъ болѣе разряженныхъ представительницъ этого типа:

«Эта съ нами не говоритъ; это femme chic!»

Жанръ Бенуатоновъ преобладалъ въ обществѣ нѣсколько лѣтъ сразу; но повидимому это далеко еще не было верхомъ искаженія вкуса. Фантазія «de la haute bicherie», въ обществѣ съ фантазіей нѣкоторыхъ вдохновенныхъ модистокъ, далеко оставила за собою стѣму Бенуатоновъ. Юбки дѣлались все короче и уже, такъ что стали наконецъ похожи на вывернутый зонтикъ. Корсажъ опускался все ниже.

Дама свѣта и полу-свѣта соперничала другъ передъ другомъ. Отсыкать разницу сдѣлалось чрезвычайно трудно.

Цѣлому Парижу известна одна дама высшаго круга, но иностранецъ, который увидѣлъ-бы ее въ первый разъ, непременно сѣмьталъ-бы ее съ первой эгзентной кокеткой. Тѣмъ не менѣе это кинианя и притомъ считающая себя безукоризненной добродѣтелью, хотя и является на гуляньи въ короткомъ и узкомъ платьѣ, любить прозрачность въ нарядѣ, присутствовать въ эскентричѣйшемъ видѣ на каждой скачкѣ и дѣять богатый матеріалъ всѣмъ газетамъ и сѣтъ-павъ.

Недавно за добродѣтель ее ратовалъ передъ судомъ ее мужъ, потому можетъ быть, что у самой не хватало храбрости на такую претензію.

Газета, съ которой онъ имѣлъ прощессъ по поводу добродѣтели своей жены, утверждала, будто безнравственности и развратъ въ высшихъ слояхъ общества служатъ самымъ вѣрнымъ признакомъ упадка государства.

Та-же газета, т. е. *Courrier français*, которая, в качестве декоративского органа, конечно не может иметь авторитет в деле моды, сашшо грубо протолкнула свою мозолостяную руку в модные лапы и невольно помала весь пбный мир.

Читай ея статью, и невольно припомнишь одно утро, когда я смотрел въ окна гостиницы. На площади передо мною был пусудый рынок; множество тонких фарфоровых вещей разставлено было по земл.

Подъ самой этой выставки стояла тележка привезенная ослон. Ослы отпугив; они со скуки ссыпали и начал проглатывать между фарфоров. Поднялся общй крик, когда заметили ту, такъ сказать, проинующую осторожность, съ которой они обходили разставленные вещи.

Я рассказываю это безъ сомнѣня свои contemporains. Это притча пришла мнѣ въ голову, между тѣмъ какъ я сидѣлъ съ новой остротою газета киваетъ за модное тране. И такъ, въ этой статье стало явственно, что въ Парижѣ царствуетъ еще высшй Жанръ. Рассказывалось имено о Жанрѣ Меттернихъ.

Вѣдь явственно, что цѣлый годъ *Bismarck* былъ моднымъ цвѣтомъ; черезъ этотъ, тотъ-же самый отблкъ назывался *Patience*, (майскй жуки), только въ честь прусскаго министра получивъ новую кадку.

За цвѣтомъ Бисмаркъ посѣдовалъ «Зеленый Меттернихъ». Но этихъ еще не обозначалъ Жанръ.

Мнѣ вовсе не желательно, чтобы князь Меттернихъ пригласилъ меня къ суду испривительной палаты; мое нахреніе совершенно ясно: я пишу характеристикау современныхъ нравовъ, а нижезвѣдующій процессъ принадлежитъ къ современнымъ событіямъ.

И такъ, *Courrier Français* сообщилъ намъ, что существуетъ категория *Mettnernichs*, которая переиначивала категорию *Bengtoms*.

Получивши злобу князя, онъ публично заявилъ, что у него не было намеренія обвинять князя, даму безъ сомнѣня засудивающую всякаго уваженія. Но что въ Парижѣ существуетъ кака-то мода въ Меттернихъ, о которой говорятъ цѣлый свѣтъ. Сѣдовательно, правая обязанность князя разузнать, что такое за дама, именемъ которой обозначается все составляющее «*type le plus élevé*» кокетки. Превѣчайно важно отисать настоящую героиню, которая на оперномъ бѣтъ въ свѣтъ шантаны упивалась до пребыванія въ ложѣ знаменитой Терезы, а въ живыхъ картинкахъ въ кругу высшего общества принимала такіхъ *uticimus* положенія и которая наконецъ обезсмертила себя въ обществѣ фразой:

«*Quand je suis à Paris, je me crois au Cabaret*».

Этотъ прирѣвъ я привелъ только для того, чтобы показать, что дамы *Mond*а нѣредко сильнѣе бранятъ общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ дамы *Demi mond*а.

Конечно изъ къ этому очень поощряютъ парижскія «хроникъ», рассказывающія о каждой платьѣ, о каждой браліантѣ, которые были надыты на г-жѣ де *N...* на такомъ-то вечерѣ. Въ главахъ этихъ писателей, онъ всегда являлись «*pléines de grâce, de beauté, de désvolvement, de charme* и т. п.

Этотъ *dévergondage*, эта распущенность аристократическаго общества, имѣетъ совершенно двойной *significat*, чѣмъ распущенность квартала Брета. Но мы видѣли между тѣмъ и другія точки соприкосновения. Та самая дама, которая такъ ревниво стоитъ за себя своего имени, не могла заснуть поспойно, пока не выучилась жестоку Ротомбоиль закидывать въ карданы ногу за ладью; она завладела Терезѣ, когда та пѣла «*rien n'est sacré pour un sarré*»,

приглашала къ себѣ эту Малибранъ, трактировъ, посылала ей уборную въ свѣтъ шантаны и расплывала «*Sanera*» съ бранушностью, доступною только *talantins*.

Эта категория имѣетъ представительницъ во всѣхъ аристократическихъ кругахъ. За дѣль дѣла до поименна въ газетахъ уже упоминали наши процессъ, другой скандалъ былъ причиною двухъ дуэлей. Дрался за любовницу одного полковника, наградившаго счастьемъ его подчиненнаго поручика принца М. Нескромность третьего лица причина скандала. Полковникъ получалъ рану въ руку.

Этому полковнику особенное счастье на ранѣ неистощимы посѣдствій. Онъ былъ ужъ раненъ въ Мексикѣ и послѣ вышупованной дуэли, воротился въ свой полкъ, куда тѣшето старался вызвать и поручика. Съ этой исторіей такъ-же связано имя одной очень явственной дамы, но трудно разобрать насколько правды въ слонахъ хроникеровъ.

— Дама зѣвшимаго высшего круга можетъ быть матерью семейства, но прежде всего она свѣтская ж-щина.

Въ костюмахъ свѣта и Полу-свѣта нѣтъ никакой разницы, равно какъ и въ манерѣ держаться въ обществѣ. Гдѣ же искать этого различія?

Женщины въ высшй степени обладаютъ талантомъ подражанія. Можетъ случиться и случается почти ежиднею, что молодое общество шестидцати лѣтъ восемнадцати лѣтъ, сосущихъ въ положенія служанки, задумаетъ составить себѣ карьеру.

Она вышла изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества и о чтеніи и писаніи знаетъ только по наслышкѣ; но достаточно пѣтскыхъ мѣсяцевъ, чтобы сдѣлать изъ нея кнзину, если только ей предоставится имѣть дорогія платья, экипажъ и роскошную мебель. Пока не открывалъ рта, она можетъ своими манерами сдѣлать себя любово старинному гербу, а своимъ вкусомъ и вѣщностью затнѣть бы можетъ блестящую красавицу Сен-Жерменскаго предместья.

Одѣтые лакея въ чрный фракъ и онъ пбдую жизнь останется ланкетомъ. Только женскій талантъ подражанія увеличиваетъ всякую вѣшную грану.

Замѣчательно, что въ Парижскихъ модахъ, *femine hoministe* болѣею частью подражаетъ кокетки. Фирвопасть костюма, походки, имѣть для нея какую-то особую привлекательность, усиленную еще конкуренціей за расположеніе мужчинъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ вѣшнемъ равенствѣ, женщины отдають предпочтеніе *biches* (biches); легкомыслѣ забавны добродѣтели, въ особенности если она только кажущаяся. Оригиналъ всегда имѣетъ преимущество передъ копіей.

Недавно еще, на парижскомъ парѣ, азамужнюю женщину въ обществѣ называли *femine hoministe*. Теперь говорить только «*femine du monde*» и болѣеюшій придаетъ неравноенно важнѣйшее значеніе пошлѣнему прозвищу, такъ какъ *hoministe* есть понятие устарѣлое.

Если и есть еще какое нибудь различіе между свѣтотъ и полу-свѣтотъ, то оно заключается въ томъ, что дамы свѣта уважаются другими, а дамы полу-свѣта предоставляются уважать самихъ себя. Впрочемъ и на это нужно смотрѣть только какъ на парадоксъ, ибо въ Парижѣ уважаются все, что случится обратиться на себя вниманіе вѣшнимъ блескомъ.

Въ Булонскомъ лѣсу и на скачкахъ, каждой *Bis*тъ, «которая себя уважаетъ» (по Парижскому выраженію), оказывается такое же почтеніе, какъ и всякой другой.

И свѣтская женщина и извѣстная кокетка подѣлываютъ къ модному магазину за покупками

въ одинаково нащномъ экипажѣ и одинаково перерывають вверхъ ногами цѣлый прилавокъ.

Въ театрѣ онѣ сидятъ рядомъ. Была бы даже такъ, что сегодня сидятъ рядомъ въ ложѣ суитры, а завтра будетъ въ ней сидѣть другая сердца. На гуанни, какъ она такъ и другая вѣдять съ полудурными занеян.

Въ перьяхъ та и другая одинаково шестасты ластиками молитвенника и одному неубавно, которая изъ двухъ болѣе нудается въ поминаніи.

Не смотря на это, честныя женщины очень стараются не прослыть за «кого нибудь» два передъ лицомъ Господа Бога, забываая, что онъ смотритъ на душу, а не на платье.

Недавно одна кокетка успѣла какъ-то добыть бѣла на одно изъ привагированныхъ мѣстъ въ церкви, гдѣ молятся только свѣтскія дамы. Общій ужасъ при появленіи кокетки и со сѣдующаго дня уже не стало привагированныхъ мѣстъ.

Разъ спросилъ одну кокетку, почему она не бѣла въ церкви.

«Не могу! У меня *traurig*, отвѣчала она.

Для пыхъ театръ, концертъ и церковь все равно!

Въ депутатскихъ собраніяхъ онѣ сидятъ рядомъ и не ради пошнтя, а для того, чтобы показать себя. Въ уголовномъ судѣ ужъ конечно не обходится безъ свѣтской женщины, если дѣло идетъ о болѣеюмъ преступленіи и приводитъ скандальныя подробности.

Всего, въ уголовномъ судѣ обвинялась одна изъ искусѣвшихъ покровительствъ пѣвнхъ свнѣей, мадамъ Фригаръ, въ отравленіи одной изъ извѣстѣйшихъ и красивѣйшихъ актрисъ, Сидоніи де Мертенсъ. Засѣданія это просто наводились женщинами. Блестѣнія эппы имена Франціи и другихъ странъ были компрометированы въ этомъ процессѣ. Альбомъ прекрасной Сидоніи, съ фотографіями интересныхъ мужскихъ личностей, переданнымъ публично и нѣтъишій подписи подъ портретами читался гласно. Никогда еще не встрѣчалось болѣе интереснаго альбома, чѣмъ альбомъ блдной Сидоніи.

Арена, на которой по вечерамъ происходитъ составленіе обвиняемыхъ свнѣей, всегда имѣетъ много женщинъ въ числѣ зрителей.

Я видѣлъ извѣстныхъ дамъ съ кавалерами въ маленькихъ ложахъ. Вѣроятно, онѣ еще и столько *увлажили* себя, что одной рукою прикрывая лицо свое вѣеромъ, а другой подпосла въ глазу бисюль.

Единственная неспорная область свѣтскихъ женщинъ есть салонъ и онъ то погашаетъ въ ихъ мыслительныя способности. Очень возможно, что свѣтская женщина побудетъ въ пависіонъ своего ребенка, но нейротно, чтобы она позабыла какую нибудь вѣдробность своего туалета, который занимаетъ весь ея день.

Поступающая на новое мѣсто горничная изображаетъ зарекомендовать себя тѣмъ, что употребитъ не болѣе четверти часа на завіязъ гозовъ своей госпожи.

— Но что же мнѣ дѣлать съ остальнымъ временемъ, спрашиваетъ госпожа.

— А въ остальное время я буду *raisonner* мадам!

Неизбѣжно, чтобы мужъ подобной суитры получалъ много денегъ, нан имѣлъ громадные состоянія, или обладалъ искусствомъ дѣлать дѣла. Ему придется вынудивать счета съ сѣдующими необходимыми вещами:

Индійскія шаль.....	5000 ф
Десть шелковыхъ платьевъ.....	5000 ф
Бружевая мантія.....	3000 ф
Разныя туалетныя принадлежности.....	17.000 ф
Итого.....	30.000 ф

Разумется здѣсь не упоминается о незначительныхъ расходахъ.

Ложа въ театрѣ необходимы; да кровъ того, необходимо посѣщать всѣ первыя представления. Невѣроятно въ такой вечеръ обойдется не менѣе 500 франковъ, но стоитъ ли объ этомъ разговаривать! Потомъ, въ недѣлю разъ или два, нужно побывать въ *théâtre italien*, гдѣ представляется возможность блеснуть туалетами. Тутъ декоративныя ужь елико возможно.

Салоны въ «Свѣтъ» представляетъ собора общаго общества рукъ и бочковъ. Здѣсь супруги показываютъ всему свѣту то, что не всегда дозволено вѣсть даже супругѣ. Впрочемъ, это дѣлается вовсе не для него, да и вообще трудно угадать, для кого одѣвается здѣсь хорошенькая женщина: для мужа, для возлюбленнаго или для всѣхъ.

Вѣрнее предположить послѣднее. Здѣсь свѣтлая женщина находитъ удовольствіе въ танцахъ и разговорахъ съ *célestes crévés*; этими да могла быть развращенными молодыми людьми, у которыхъ уже на двадцатомъ году образуется лысыя, которые отъ танцевъ, изъ объятій свѣтской женщины, бросаются въ объятія извѣстѣйшихъ кокетокъ и проводятъ съ ними остатокъ ночи въ *sals nigels*!

Обыкновенно эти-то отжившіе молодые люди ищутъ наибольшую привлекательность въ глазахъ женщинъ. Въ будничныя они срыываютъ штыи удовольствія, между тѣмъ какъ мужья только платятъ по счетамъ.

У Каларуса и Лабоды, на танцовальныхъ вечерахъ адептнаго общества кварталъ Бреда, являются тѣже самые туалеты. Опытъ никакой разницы, развѣ только въ танцахъ но больше страстности. Здѣсь молодые миллионеры, самые чистокровные аристократы съ танцевъ-же азартно отталкиваютъ канканъ, какъ любой рабочей на трактирномъ балкѣ. Старые сѣдовласые греховники по неволѣ остаются на мѣстахъ эрмитажи, между тѣмъ какъ молодцы сибиритъ въ удивленные кабинеты прохладитъ шампанскимъ въ *tête à tête*.

Памянная уста, знойное дыханіе, холодное шампанское. Алес или Аманда зажжетъ иногда съ хохотомъ сигаретку тысячесфранковымъ билетомъ.

Можетъ быть билетъ этотъ добытъ изъ бумажника мужа, супруга котораго принимаетъ у себя молодого гостя, между тѣмъ какъ супругѣ убавится блаженство въ объятіяхъ какой нибудь Денимы.

Этрета, Труваль и Деншъ каждое лѣто маняты къ себѣ супругу. Этого требуетъ ихъ здоровье и хорошей тощ.

Супруга же задерживаютъ въ Парижѣ дѣла для служебныхъ обязанности. Они остаются очень охотно, потому что его отношенія съ разными Манонъ могутъ происходить ужь безъ помехи.

А между тѣмъ, въ Труваль и Деншѣ, *femmes du monde* поситъ самые кокетливые костюмы. Найдѣ не бываетъ труднее отличить ихъ отъ кокетки.

Юбка очень коротка и узка, для того, чтобы какъ можно выгоднѣе выставилась красивая нога. Корсажъ сокращенъ до самыхъ заманчивыхъ размѣровъ. Ничто не можетъ сравниться съ шпильчатыми костюмами, въ которыхъ она каждое утро бросается въ волны, разумеется такъ, чтобы зрители могли любоваться ея формами, иначе къ чему и костюмъ.

Цѣлый Божій день прогнаны въ сопровожденіи молодого кавалера, который каждое утро присылаетъ въ красивѣйшіе букеты, а каждой вечеръ....

Каждый день боитония все съ тѣмъ же или съ другими кавалерами и такъ незаметно проходитъ недѣля для лавъ.

Въ субботу вечеромъ экстренный поѣздъ желѣзной дороги привозитъ изъ Парижа всѣхъ составившихъ супруговъ, которыхъ такъ мучительно ждали все недѣлю.

Благотворительное учрежденіе эти желѣзные пороги!

Еще въ субботу съ вечера исчезаютъ кокетливыя короткія юбки; для купальни надѣваются больше непроницаемые костюмы. Любезный кавалеръ получаетъ отпускъ до понедѣльника утра и даже прекрасный букетъ не появляется въ воскресенье.

Воскресенье всецѣло принадлежитъ супругу, который цѣлую недѣлю протрачиваетъ надъ дѣлами въ Парижѣ.

Въ понедѣльникъ онъ снова возвращается къ своимъ дѣламъ, а у супруги опять появляется кавалеръ. Только кокетки и Блши не измѣняютъ своего костюма и въ этомъ заключается вса разнана.

Есть въ Парижѣ и женщины хозяйки. *Femmes du monde*, но онѣ составляютъ исключеніе. Впрочемъ если спросить ихъ откровенно, то конечно и имъ лучше хотѣлось-бы перейти въ *femmes du monde*.

Свѣтъ въ Парижѣ есть возхожденіе всѣхъ разностей, благородства и знатности, о которомъ уже мечтаетъ дитя въ колыбели.

Свѣтъ въ обширномъ смыслѣ, есть для Парижанки только соборъ иностранныхъ земель и народовъ, до которыхъ ему нѣтъ никакого дѣла.

Парижскій Свѣтъ простирается отъ Булонскаго до Буанскаго сада, а лѣтвомъ и до Баденъ-Бадена. Дальше этого уже нѣтъ никакого свѣта.

Homme du monde въ Парижѣ вслѣдъ у кого есть хорошей портной и кто въ состояніи содержать порядочную метрессу.

VI

Война женщинъ.—Жанетъ Sanaille и его триумфъ. — Чудеса эмали. — Сара Феликсъ.—Какъ дѣлаются кокетками.—Салоны кокетокъ.

Между женщинами объѣхъ парижскихъ вѣствъ, т. е. кокетками и *femmes du monde*, ведется непрерывная война.

Поводъ этого междоусобія составляетъ отнюдь не большее или меньшее одобреніе общества, которыми на тѣ и другія не дорожатъ. Онѣ спорятъ за бумажникъ мужчинъ.

Мать семейства, есть, какъ и уже сказано, прежде всего свѣтская женщина и потому нуждается въ приведеніи выше расходовъ на туалеты.

Кокетка (слово лоретка уже вышло изъ моды) съ своей стороны живетъ сравнительно болѣе на счетъ женатыхъ, чѣмъ на счетъ холостыхъ мужчинъ и законныхъ правъ, которыхъ супруга имѣетъ на пласу своего мужа, терпя отъ этого значительный ущербъ.

По этому, законныя жены вынуждены вступитъ въ конкуренцію съ кокетками даже по поводу туалета. Онѣ говорятъ: для сохраненія любви мужа нужно казаться такой же красной, какъ и жрица свободнаго культа; другія не хотѣтъ вступитъ изъ рукъ своей добычи. И такъ, оба стороны сражаются честно съ подлѣтмихъ заблудомъ и за общую цѣль.

Въ Булонскомъ лѣсу, сава правъ рысакими, съ лакеями сзади, несется наизлишка кокетка мимо экипажа, въ которомъ сидитъ полтъ своей жены человекъ, запятанный за этихъ рысакотъ и лакеевъ. По другой сторонѣ аллея, флетъ верхомъ тотъ самый молодой денля, который помогаетъ хорошенькой супругѣ коротать время въ отсутствіе мужа.

Часто трудно бываетъ сосчитать, чего стоятъ домашніе расходы женатаго человека, но можете себе представить, какъ они возрастаютъ, если кокетка, при всей уберности, полагитъ тридцать тысячъ франковъ въ годъ, не считая экипажа, дорогой мебели, бриллиантовъ, платьевъ, театральныхъ ложъ, пари на скачкахъ и суммъ проигрываемыхъ ею въ Баденъ-Баденъ.

Извѣстѣйшія кокетки въ Парижѣ, какъ напр. Леонида, Кора и проч., ведутъ *train* трехъ

важнѣхъ вѣствъ. У ихъ дворъ какъ у какой нибудь принцессы, за вѣстости которой спорятъ четыре герцога пять *agents de change* и цѣлая дюжина банкирскихъ сыновъ.

Онѣ уже жда и отцѣлы, но въ ихъ есть «шикъ», произвождишъ неотразимое впечатлѣніе на парижскихъ вѣвровѣхъ.

Необыкновеннѣе нарощеніе вкуса, вытекающее изъ чувственнаго прещенія, добродѣи и возвео въ систему «*George Sanailles*». Стали находить прелесть въ отпалннхъ манерахъ женщинъ, составляющихъ крайнюю противоположность женственности, граціи и хорошему воспитанію.

Ригодилль, Тереза, Сюзанна Лажъ и др. распространялиши, вѣстие образа этого жанра. Мужчины буквально жемать у ихъ ногъ и считаютъ за честь «*оканнаироваться*» вмѣстѣ съ ними.

Почему? Это напоминаетъ одного маленькаго принца, который стоялъ разъ полтъ окномъ своего замка и смотрѣлъ, какъ удалые мальчишки пахаются въ грязи.

Отцы принца, будучи въ очень хорошемъ настроеніи, спросилъ сына, чего-бы ему больше всего ждалось.

— Ахъ, папа, какъ бы я хотѣлъ также понаблѣть изъ этой прекрасной комнаты на улицы!

О вкуснѣ не спорить. Я самъ перже заивалъ Лацарона, который положилъ голову на ступени какого нибудь дворца въ Неаполь, незамѣчая, какъ во время его сна, оскѣ съѣдастъ у него съ головы соломенную шляпу.

«*Ces dames, du monde et du demi-monde*» поочерпаютъ изъ одного и того же источника нѣсколько свои платья, но въ свою красоту.

Простой вѣснотъ все Парижъ былъ заинтересованъ болѣзнями жеманы афирами, припадками на всѣхъ стѣнахъ.

Mademoiselle Rachel arrivera à Paris.

Больше въ афишахъ ничего не говоривалось. Кто-бы могла быть эта Миле. Рашель? Великая артистка ужь давно умерла. Кто-же такое Рашель?

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на тѣхъ же стѣнахъ появилась крупная надпись:

«*Mademoiselle Rachel est arrivée à Paris.*»

Наконецъ, вскорѣ вслѣдъ за этимъ, Миле. Рашель открыла у себя совѣщаніа «о приобщеніи къ сохраненію красоты и молодости». Она жила очень таинственно въ улицѣ Шувалье; на дверяхъ ея была отнѣсена таинственная надпись: *la «jeunesse et la beauté»*. Вселому предоставлялось подумать, что за этой стѣальной дверью были источникъ молодости и красоты.

Газеты помѣщали рекламъ Миле. Рашель «*l'émaillusee*».

За порогъ ея было строжайше запрещено переступать мужчинамъ ногамъ; входъ охранялся свистуномъ или дракономъ женскаго рода. Только женщины допускались въ свѣтланіе.

Благовъ въ 25 франковъ давалъ мужьямъ право дождитися въ прихожей своихъ женъ.

Дѣло было очень загадочно; впрочемъ въ платья Миле. Рашель вовсе не входило намѣреніе *останннся* таинственной.

Она превозгласила себя востановительницей (*émaillusee*), искусство которой можетъ возвратить красоту и молодость даже лицамъ изжележенными старостью, заботами или болѣзнями.

У всѣхъ мужей становилась волосомъ дыбомъ при мысли, чтобы ихъ жонкелицы нѣ пришло въ голову еще разъ съѣдаться молодими и вѣчною подвергнуть своихъ супруговъ всѣмъ мукамъ ревности и другимъ бѣдствіямъ, неразрывно связаннымъ съ присутствіемъ въ домѣ молодой женщины.

Для кого желаютъ они снова похоронить и похолодѣть? Для мужей? Конечно!

Многіе мужья подстергали по вечерамъ на

углу улицы Шувалов, надѣясь поймать свою дражайшую половину; другіе же оставалась дѣло изъ волю судьбы.

Но съ извѣстіемъ объ искусствѣ Миле, Рашеелъ, разсѣлся и другая тревожная мѣла, возрѣвѣвшая мучилась некоторую надежду.

Мадемуазель Рашеелъ омыла лицо, надѣясь, что она оказалась бесцѣльной, всѣхъ крѣпости и эссенции. Миле, Рашеелъ помыла лицо, надѣясь, что она оказалась бесцѣльной, всѣхъ крѣпости и эссенции. Миле, Рашеелъ помыла лицо, надѣясь, что она оказалась бесцѣльной, всѣхъ крѣпости и эссенции. Миле, Рашеелъ помыла лицо, надѣясь, что она оказалась бесцѣльной, всѣхъ крѣпости и эссенции.

Все это можетъ сдѣлать мадемуазель Рашеелъ, но каждая медаль имѣетъ свою обратную сторону. Разъ амазонированное лицо терять способность измѣнять выраженіе.

Женщина, заказавшая нарисовать себѣ *улыбающееся* лицо, должна улыбаться уже во все остальную жизнь. Она будетъ улыбаться во время мигреней и зубной боли, въ то время когда лежитъ при смерти въ дѣтѣ, даже въ минуту собственного смертнаго часа.

А та, которая заказала себѣ лицо пресѣлаемой жертвы, будетъ вѣчно печальна даже въ минуту самого крупнаго выигрыша! Каково, по судите сама, казавшееся печальной въ тотъ мигъ, когда сердца готовы выпрыгнуть отъ радости!

Впрочемъ есть вѣдь и некоторое примѣренье! Лицо можетъ быть такъ сказать *непримѣрно*. Юности вовсе не нужно вѣчно съидаться. Сидѣть публично даже не въ обществѣ Парикмаховъ. Нужно быть уже очень наивнымъ созданіемъ, для того, чтобы кончать съ мужиной на гулянии. Изобразивъ юность съ пассивнымъ выраженіемъ лица медузы, статую Парикмаховъ застрахована отъ страстей; она не знаетъ никакихъ душевныхъ волненій и не нуждается въ выраженіи для этихъ вещей.

И вотъ тысячи женщинъ ходятъ съ эмалью-розами на лицѣхъ и въ расписанныхъ лицахъ. Свѣтъ и полу-свѣтъ носятъ въ карманѣ источникъ для окрашивания губъ, потому что на губахъ красна такъ часто вытирается по разнымъ случайностямъ. Волосы имѣютъ двадцать отбѣнокъ. Можно купить жидкость, превращающую въ золотое утро всѣхъ волосы. Сара Фанксъ, сестра великой Рашеелъ, сама бывшій членъ труппы Théâtre Français, дѣлаетъ для волосъ то, что другая Рашеелъ дѣлаетъ для лица: Она провозглашаетъ вѣчную юность шедеврами при помощи своей Волшебной воды.

Въ Парижѣ никто не старѣетъ, въ особенности личности, для которыхъ молодость есть источникъ существованія. Изживши всю жизненную силу, люди умираютъ, но безъ всякихъ слѣдовъ разрушеніяго времени.

Боготавная женщина перевернулась бы въ гробу, еслибъ узнала, что некропольныя газеты объявили въ ея некрологѣ, будто ей было сорвать лѣтъ отъ роду.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДАГРА И ЛЮБОВЬ.

комедія въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

Г-нъ П... Отставной чиновникъ патентиста лѣтъ. Полно, его дѣло, вѣсело, лѣтъ. Эдуардъ Н. Медицинскій студентъ на послѣднемъ курсѣ, двадцати-трехъ лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ отдаленной части города, въ квартирѣ г-на П. Очевидно, комната со столами, перегородка, полуоткрытый балконъ, на вершокъ полтъ котораго вѣчно нѣсколько бѣлыхъ и пухляковъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-нъ П... одинъ. (На немъ старый халатъ; онъ сидитъ у стола и читаетъ популярную брошюру).

— Чудесно! Удивительно. Наконецъ-то наука разрѣшила важную задачу: растенія и со-

ставы, которые еще вчера производили смерть, сегодня уже считаются средствами къ восстановленію и продолженію жизни! Мышьякъ! синильная кислота! и проч. (примѣбляясь изъ чашки деконта). Эта статистика просто драгоценна! Въ ней доказывается, что болѣе двадцати человекъ страдальныхъ подагрой, вылечились при помощи синильной кислоты. Тамъ, впрочемъ все это рассказано высочайшимъ слономъ и я многого не помню хорошею въ тождѣ, ну, да главное-то результаты, результаты! (искрещивается брошюру). Нужно-бы еще разъ посмотреть хорошею, что уничтожила, болѣе или болѣе... А ну какъ болѣе... Не можетъ быть. (Хочетъ встать, но впадаетъ въ мигрень и снова садится). Проклятая подагра! Ужасно-бы хотѣлось испытать дѣйствіе синильной кислоты... только не на себѣ, а на комъ нибудь другомъ. Ну вѣдь, докторъ какъ нибудь ошиблся, или въ брошюру опечатка, или я самъ какъ нибудь не такъ понялъ... Знаете, въ болѣзненномъ состояніи оно очень возможно. Разумѣется, подвергать опасности другаго нечеловѣка, не совсѣмъ деликатная, но для пользы науки... И конечно ужъ старъ, пропалъ какъ нибудь и съ однимъ своимъ деконтомъ, ну а другіе... напр. отцы многочисленныхъ семействъ... Ахъ, если-бы мой Яковъ тогда согласился! Вѣдь какое жалеанье и ему предлагалъ — двадцать рублей въ мѣсяцъ и выходило со двора сколько угодно! Такъ вѣдь, дуракъ, только и толковалъ, что у него нѣтъ подагры. Разумѣется, нѣтъ теперь, но какъ нибудь будетъ, это ужъ вѣрно, я знаю! Ужасно неблагодарный народъ эта прислуга!

ЯВЛЕНІЕ II.

Г-нъ П... и Поллина.

Поллина. Здравствуйте, папа. Какъ ваше здоровье сегодня?

Г-нъ П... Дурно! Очень дурно! Аллелуя никакого, руки и ноги пухнутъ, пошевелился болѣе!

Поллина. А вы не преувеличиваете, папа? —

Г-нъ П... (сердито). Да, конечно, я притворяюсь! У насъ всегда одна пѣсня! Вамъ только бы извиняться отъ стараго отца...

Поллина. Полноте, папа, какъ вамъ не грѣхъ! —

Г-нъ П... На цѣлое утро бросилъ меня одного, никто и не заглянулъ, что умра! При-суга всѣ распухли...

Поллина. Ну, ужъ не я-же виновата, что люди у насъ не уживаются.

Г-нъ П... Найми другихъ!

Поллина. Да, найми! А кто пойдетъ на ваши условія? —

Г-нъ П... Да вѣдь я хлопочу объ ихъ-же пользѣ. А впрочемъ, дѣйствительно лучше не говорить мнѣ заранѣе.

Поллина. (Своимъ нѣмымъ тономъ и ласковымъ голосомъ). Ахъ папа, если-бы вы только сообразились...

Г-нъ П... На что? —

Поллина. Эхъ, недалеко отъ насъ живетъ одинъ молодой человѣкъ, такой прекрасный, интеллигентный, даже подурнѣетъ собой, а читаетъ столько, что просто ужасъ!

Г-нъ П... Ну, да ладно это ужъ лишнее. Пусть только будетъ интеллигентъ, не грубъ, да не воруетъ санимокъ моего.

Поллина. Какъ не воруетъ?.. Да развѣ я подумала-бы выйти замужъ за порѣ!

Г-нъ П... Выйти замужъ! Это еще что за новости?

Поллина. Да вѣдь нельзя-же, папа, не думать о своей судьбѣ. Мнѣ уже восемнадцать лѣтъ, а я все сижу въ заперти и лица человѣческаго не вижу! Нельзя-же мнѣ по нашему варить цѣлую жизнь деконта да напимать людей, которые-бы ихъ принимали. И такъ уже чуть съ ума не сохлону отъ тоски, да и женихъ-то представляется такой славный; онъ даже насъ-бы разомъ поставилъ на ноги...

Г-нъ П... Ни, ни! И слышать не хочу! А кто-же станетъ ходить за мной, когда ты выйдешь замужъ? Вотъ еще новости! Раста дѣтей, да того-чтобы первый встрѣчный увезъ ихъ въ домъ и оставилъ тебя на старости лѣтъ одного съ подагрой. Нѣтъ, никакого жениха не пишу даже на порогъ. Вотъ ладно, другое дѣло. Если придетъ новый лакей, тотчасъ вежи его сюда, только ни слова о моихъ теоріяхъ, слышайш!.. Ну, отведи меня въ кабинетъ.

Поллина вѣдетъ отца и потомъ возвращается.

ЯВЛЕНІЕ III.

Поллина (одна). Вотъ вамъ и раз! Не нуши жениха на порогъ... А онъ какъ разъ сегодня общающъ прѣхаетъ съ визитомъ. А какъ тутешно! рассердится, если ему откажутъ; она такъ хлопоталась! Да и мнѣ оно ужасно нравится, такой умный, веселый. Чего-бы какъ-то лучше, вѣснѣе черезъ два кончатъ курсъ въ медицинскій академіи и, женившись на мнѣ, могъ-бы лечитъ нашу отъ всѣхъ возможныхъ болѣзней. Впрочемъ, папа и самъ вѣдь знаетъ, что лѣчиться ему вовсе нечего. Вычитать тамъ какую-то подагру и вычитать въ себя разные гадости поодъ предлогомъ леченія. Онъ откуда у него быть подагра? Шапкинское онъ нѣтъ развѣ только на своей свадьбѣ да на моихъ крестинахъ. Просто скучаетъ отъ нечего дѣлать оставшись за питомомъ. А сколько денегъ тратится теперь на поую фантазію. Согласись, видѣшь-ли лакей, принять какой-то кислоты для отпуща. Ну, всѣ они сначала и идутъ на болѣе жалеанье, а дождетъ дѣло до опыта — сауга поковыри! Да еще-бы! Кому охота забавлять отъ новоборобителенъ министру. Чего доброго, и на тотъ свѣтъ можно отприваиваться... Постояте! Мысли... Онъ вѣдь вѣдѣть мнѣ хотѣлось представить ему моего лакея... что если бы... да вѣдь, какъ-я предлагаю ему? Впрочемъ, о странностихъ папа онъ ужъ слышалъ, а если меня любить, то не отъкажется... Вотъ кто-то и идетъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Поллина и Эдуардъ.

Эдуардъ (входя). Здравствуйте, въ прихожей никого нѣтъ. Впрочемъ, я здѣсь вѣдь съ нашего позволенія, Поллина Александровна.

Поллина. Разумѣется. Только, знаете что? Какъ жаль, что вы такъ нарядно одѣты...

Эдуардъ. Нарядно? Да вѣдь я въ первый разъ въ домъ и вы сами всегда говорили...

Поллина. Снимите пальтохъ отъ перчаток!

Эдуардъ. Для чего-же такая поспѣшность?

Поллина. Для моего удовольствія. Вотъ надѣньте это хоштинскій фартукъ!

Эдуардъ. Помилуйте, что-же это!

Поллина. Поймите салфетку на руку.

Эдуардъ. Да вѣдь я похожъ теперь на трактирнаго поварю!

Поллина. Этого-то мнѣ и нужно!

Эдуардъ. Ничего не понимаю!

Поллина. Поймите носок!

(Голосъ за сценой). Пола, Поллинка!

Эдуардъ. Да ужъ не насмѣшка-ли это?

Объясните...

Поллина. Бога ради, молчите и поддержи-

вайте все, что я буду говорить! Вотъ идѣть папа.

Эдуардъ. Странно! Ужасно странно!

ЯВЛЕНІЕ V.

Таше и Г-нъ П...

Г-нъ П... А, здѣсь кто-то есть? (Эдуардъ кланяется).

Поллина. Папаша, это... это новый лакей прѣхаетъ напимать.

Эдуардъ (въ оторожѣ). Какъ это я попалъ въ лакей? (оркомъ) Позвольте...

Поллина (шепотомъ). Бога ради не выдавай!

Г-нъ П... Онъ кажется здоровымъ малымъ.

Поллина (шепотомъ). Покачайте побольше!

Эдуардъ (комически).

Полина. Ахъ какой подозрительный явеш!..

Г-нъ П... Да, въ самомъ дѣлѣ, какъ наружность-то обманчива.

Полина. Да и по лицу видно, что онъ не давно былъ боленъ; нѣтъ, коже слишкомъ ужъ нѣжны.

Г-нъ П... Да, да, точно!

Эдуардъ (*въ сторону*). Что они дурачатъ меня оба и на тутъ врется какая нибудь тайна? Впрочемъ Полина смотритъ такими умоляющими глазами. Подождемъ еще!

Г-нъ П... Ну-ка любезный, пройдишь не много по комнате.

Полина (*тихо*). Хромайте!

Эдуардъ (*въ сторону*). Ужъ не наставятъ ли меня и мертвымъ принудится встать (*хромаетъ*).

Полина. Ну, не тверди же походку у бѣднаго маляго. Ужъ не подрага-ли у него, панаша? Какъ вы думаете?

Г-нъ П... (*рабостно*) Да, какъ будто...

Полина. Чего тутъ, какъ будто, это просто въ глаза бросается.

Г-нъ П... (*громко*). Ура! у него подрага! (*опоминувшись*) конечно, мнѣ очень жаль его по человечеству и потому, я непременно найду его. Ну куда пойдетъ такой слабый человекъ, а здѣсь мы его потѣшимъ...

Эдуардъ. Однако...

Полина (*тихо*). Покажите согласнѣе! Г-нъ П... (*про себя*). Какъ однако хорошо одѣтъ этотъ молодецъ; просто и не рѣшился подарить ему свое старое платье. (*Вздвигъ*). Мы вѣроятно сойдемся, друзья. У меня характеръ очень ровный.

Полина (*тихо*). Постоянно дурной.

Г-нъ П... Какъ тебя зовутъ?

Эдуардъ. Эдуардомъ.

Г-нъ П... Ну, я буду тебя звать Яковомъ. У меня всѣхъ лакеевъ зовутъ Яковами, а здѣсь удобнѣе помнить. (*Эдуардъ отлагаетъ единственную мину и сѣда удерживается отъ смѣха*). Ну, какой у него глупый видъ; это-то впрочемъ мнѣ въ особенности удобно. А жалованье у меня хорошее, двадцать рублей въ мѣсяцъ.

Полина (*тихо Эдуарду*). Говорите что согласны.

Эдуардъ (*въ сторону*). Однако, меня это начинаютъ забавлять и я готовъ продолжать комедию сколько угодно.

Г-нъ П... Тебѣ будетъ готовый столъ, чай, кофе и мы будемъ очень заботиться о твоёмъ здоровьи.

Эдуардъ. Только, сударь, нужно вамъ сказать, что я не очень то многое умѣю дѣлать.

Г-нъ П... Это ничто, научимся!

Эдуардъ. Доктора запретили мнѣ колоть дрова.

Г-нъ П... Вотъ тебѣ разъ!

Эдуардъ. Мнѣ нельзя ходить въ погребе и бѣзная нога не позволяетъ натирать полость...

Г-нъ П... Какже однако...

Эдуардъ. Можеть, сударь, я немогу для васъ?

Г-нъ П... Не то что негодимы, но любопытно-бы узнать, что-же ты будешь дѣлать?

Эдуардъ (*принимая глупый видъ*). Да почти ничего!

Г-нъ П... Это не много (*въ сторону*). Впрочемъ, у него вѣдь подрага.

Эдуардъ (*въ сторону*). Ну, теперь явись прогонять. (*громко*) Такъ какже сударь?

Г-нъ П... Можешь перевести свои вещи.

Эдуардъ (*въ сторону*). Вотъ странность-то, это ужъ ни на что не похоже и нужно посмотрѣть чѣмъ кончится. (*громко*) Такъ какъ мы уже порѣшили, сударь, то позвольте мнѣ съидти за вещами послѣ, а теперь я хотѣлъ-бы поздравить; нѣжный денъ крохи по рту не было!

Г-нъ П... Какая фамильярность! Впрочемъ, это признакъ доброй души и его легче будетъ уговорить. На вотъ камень, любезный, сходи въ погребъ и тамъ на похѣ...

Эдуардъ. А вы забыли, сударь, что въ погребе мнѣ нельзя идти...

Г-нъ П... Ахъ, да. Такъ неужели мнѣ самому... (*беретъ камень и идетъ къ двери*).

Полина. Что вы, панаша, при вашей слабости!

Г-нъ П... (*улыбаясь*). Какже быть, душечка. вѣдь у него подрага.

Эдуардъ (*удивленный*). Идѣтъ самъ въ погребъ! (*громко*) Фу, какой холодъ! Вѣрно у васъ никогда немерзаетъ ли топятъ?

Г-нъ П... Какъ не топятъ, даже вчера топили!

Эдуардъ. Ну, я сейчасъ и почувствую, что сегодня не топятъ, а все по мнѣмъ ноги. Ужъ не будете ли вы такъ добры, сударь, и не захватите ли по дорогѣ вазочку аромъ...

Г-нъ П... Однако любезный, ты слыша сходишь что-ли?

Полина (*хочетъ*).

Эдуардъ. Я вѣдь доказывалъ вамъ, сударь, что немогу для черной работы и если вы мнѣ не позволите...

Г-нъ П... Кто тебѣ говоритъ, что недоволенъ, останься! А когда вы здоровѣеши, такъ обработаешь идюса (*въ сторону*). Ужъ задѣла-же я тебѣ, когда вы здоровѣеши!

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Полина в Эдуардѣ.

Эдуардъ (*разряжаясь хохотомъ*). Предобный хозяинъ! Ну, Полина Александровна, что-же это все значитъ?

Полина. Тетушка намъ не разъ вѣдь говорила о маннѣ панаши лѣчить другихъ и самого себя. Онъ воображалъ себя болѣзнымъ, хотя можеть быть здоровѣе насъ съ вами, безпрестанно вычитываетъ разныя лекарства и пробуетъ ихъ на своихъ лакеяхъ. Вотъ теперь онъ вычиталъ гдѣ-то, что подрагу можно вылечить сиальной кислотой и старѣетъ отъ нетерпѣнья попробовать, только боится. Васъ онъ панаша именно съ этой цѣлью.

Эдуардъ. Какъ, съ цѣлью отравить? Ну нѣтъ, очень вамъ благодаренъ; тутъ ужъ маннѣ заходить слишкомъ далеко. Шутка, попробовать сиальной кислоты!

Полина (*смѣется*). И даже изъ любви ко мнѣ не хотите?

Эдуардъ. А вамъ-бы хотѣлось отъ меня этой любезности? Теперь ужъ подобрали вещи не въ мой даже и на театрѣ.

Полина. Успокойтесь, останетесь живымъ! Дело въ томъ, что панаша никакъ не хочетъ выдавать меня замужъ и запретила сегодня принимать кого-бы то ни было кромѣ лакеевъ, которые будутъ приходиться панашамъ. Вы пришли какъ разъ вслѣдъ за этимъ запрещеніемъ и я рѣшилась удержать васъ въ домѣ хоть нѣсколько, что-бы посоветоваться какъ намъ быть съ нашимъ дѣломъ.

Эдуардъ. А знаете-ли, что сиальная кислота ожогаетъ намъ отличнѣйшую усадь. Нужно только удостовериться, гдѣ и въ чемъ держитъ ее нашъ батюшка, а то покажу, онъ невзначай сыграетъ со мной скверную шутку.

Полина. Не безпокойтесь. Вотъ бутылка вина, въ которую положено это зелье. Я ужъ всегда подсматриваю за панашей, когда онъ составляетъ лекарства (*достаетъ изъ буфета бутылочку*). Да и нельзя не замѣтить, самъ онъ до того боится этой бутылки, что вырѣзалъ на ней буквы С. Б. и ставитъ ее въ самый дальній уголъ, а когда беретъ въ руки, то держитъ отъ себя какъ можно дальше.

Эдуардъ. А вы утѣрили, что кислоты нѣтъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ?

Полина. Утѣрена даже, что ее нѣтъ и здѣсь, потому что я вчера ночью вылазла за окно лѣкарство, начето вылазла бутылку и нашла просто вина. Неужелъ: вы думаете, что я доустану-бы панашу сдѣлать надъ кѣмъ нибудъ такой страшный опытъ? (*схвативъ бутылку на мѣсто*).

Эдуардъ. Ну, такъ отлично! Теперь поддержите меня въ свою очередь и комедія наша окончится свадьбой, какъ и подобаетъ всякой порядочной комедіи.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Г-нъ П... (*выходитъ съ вазочкой аромъ въ одной рукѣ и съ корзинкой въ другой*). Ухъ, какъ тяжело, чортъ возьми! Не хотѣлъ-бы я быть лакеемъ! Представьте, что дрова не были даже накаотны.

Полина. А какже ваша подрага, панаша?

Г-нъ П... Ахъ, да, я объ ней и забыть совѣсть!

Эдуардъ. (*достаетъ изъ корзинки пироги и принимаетъ съ ист.*).

Г-нъ П... Каково, онъ съѣлъ мой пирога! Да для тебя и принеси съосмы другое.

Эдуардъ (*облизываясь*). Отличный пирогъ, только такеванато немнѣжно. Вотъ если-бы чего нибудъ выпить.

Г-нъ П... Каково онъ распоряжается? А что если бы теперь пустить въ ходъ бутылку. (*Идетъ къ бутылкѣ, вынимаетъ сперва одну бутылку и ставитъ на столъ, потомъ съ особенной осторожностью достаетъ другую и держитъ ее онъ себя какъ можно дальше, пока несетъ на столъ*). Ну, чѣмъ отъправдожить твое вступленіе въ должность, такъ и быть, дамъ тебѣ стаанчить вина (*наливаетъ изъ второй бутылки*).

Эдуардъ. Покорнѣйше благодарю, сударь, только одинъ я пить не стану. Ужъ сдѣлайте мнѣ честь и чокнитесь.

Г-нъ П... Да вѣдь мнѣ вино вредно... впрочемъ я такъ пролабъ въ погребѣ, что покажу (*наливаетъ изъ первой бутылки*).

Эдуардъ (*быстро подкакиваетъ и беретъ только что налитый стаканъ*). За ваше здоровье, сударь! (*выпиваетъ*).

Г-нъ П... Пойте! не зотти! Что-же мнѣ теперь дѣлать?

Эдуардъ. Да ужъ выпейте сударь, не обижайте.

Полина. (*съ другой стороны*) Выпейте, панаша, вы въ самомъ дѣлѣ озябли.

Г-нъ П... (*беретъ стаканъ и нарочно его отрокнываетъ*).

Полина. Ахъ!

Эдуардъ. Ну ужъ видно, сударь, мнѣ придется вамъ посужать! (*беретъ отравленную бутылку, наливаетъ и подноситъ стаканъ на тарелкѣ*). Выкушайте!

Полина. Выпейте, панаша, хоть за мое здоровье!

Г-нъ П... (*въ замѣчательствѣ*) Оставьте! Бросьте! Не хочу я пить этого вина!

Эдуардъ. А развѣ оно испорчено? (*открываетъ бутылку и нюхаетъ*). Что это точно посторонній запахъ... да и саваа какіе-то вырѣзаны (*разсматриваетъ бутылку*).

Полина. Ахъ Боже мой! Да ужъ не сиальная-ли это кислота, которой вы собрались лѣчить отъ подраги?

Эдуардъ. Какъ, сиальная кислота! Да это страшный ядъ! Такъ меня отравятъ здѣсь хотѣли! Это просто разбой! Каргуль!

Г-нъ П... Таше! что-ты... Не кричи ради Бога!

Эдуардъ. Какъ не кричи, да я въ полнѣю поеду... Это убійство!

Г-нъ П... Батюшка, что тутъ дѣлать?

Полина. А хуже всего панаша то, что онъ новсе и не лакей...

Г-нь П... Как же лавей? Кто же они?
Полина. Медицинский студент и мой жених.

Г-нь П... Ничего не пойму... Лавей, жених, студент, полиция... совсем голова закружилась!

Эдуард. Еще и не так закружится, как я затую уголовное дело!

Г-нь П... Уголовное дело?... За что?... Я не знаю.

Полина. То то, પણ, ауше бросьте-ка все свои медицинские книги, да отдайте меня замуж за Эдуарда. Тогда доктор будет всегда под рукою и печальности во род сегодняшний никогда больше не повторится.

Г-нь П... (оправляясь от испуга). Понимаю! Так вы это все выдумали вывст, схитрили!

Эдуард. Какое и даю честное слово, что вы отнесения нас, это будет моя первая и последняя хитрость.

Полина. А я так же не заканчиваю и если только папаша опять примется составлять лекачества, я опять бу-у по почам выпроваживать их за окошко.

Эдуард. Ну нет, теперь у папаша будет свой домовый аптекарь а нас сударыни, мы и не пущам в свою лабораторию.

Г-нь П... Да какие это, я все еще не придумываю...

Эдуард и Полина (вместе). Придете вы себя посидеть нашей свободой, а теперь мы все трое находимся в нормальном состоянии.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Письма из Италіи.

Венеція.

Изъ какого города не выѣзжалъ-кажется съ такою грустью, какъ изъ Венеціи. Такъ и тѣнь вернувшись опять туда и нужно собрать все свое музество, дабы не покориться соблазну. Странно, почему это такъ? Дорогата ничего такъ не осталось, общества особенно пріятнаго не было, а между тѣмъ такъ тепло, отроду вспоминается все прѣлестное тамъ время. Тогда вспоминается тамъ что нибудь родное, дорогое! Да, нужно самому быть въ Венеціи, самому познать тамъ, заняться ей совершеннѣе и тогда только составишь себѣ понятіе, отчего такъ трудно съ нею расстаться. Что на наши, какъ на обшій, а все не выразились ее особенностей. Близкое описаніе будетъ или слишкомъ экзотично, или слишкомъ слабо. Сколько напр. художниковъ описывали и рисовали Венецію, но все это, по моему мнѣнію, эффектные моменты, а не истинная филозія Венеціи. Только одинъ Кавецко, венеціанскій уроженецъ, показавъ, какъ нужно съ нею обращаться. Да, старая душе не понимала искусство; грустно, но правда!

В Венеціи красота всего. Только здѣсь почувствуешь настоящее понятие о Тинтѣти, Пальма, Веккьо, Веронее и прот. А архитектура — древнѣйшіе мастера стиля Византизма, Романикаго и Венеціанскаго, показавъ мнѣ такъ такое искусство и какъ высоко, великодушіе они его возмани. Строгость рисунка, рациональность и истина; вездѣ видны смыслъ, выработанность и любовь къ дѣлу и ничто не принесено въ жертву вѣтшему эффекту. Научая искусство въ Венеціи, мы конечно не пропускали случая любоваться и живыми красавицами, которыхъ здѣсь избытокъ.

А какъ здѣсь симпатично относятся къ художникамъ. Съ какою то любовью и уваженіемъ ссылаются каждый Итальянецъ подстроичивъ шапку, когда вы ему объявите «soni stessi artisti» (мы сами артисты) и попроще его не мѣшать намъ смотрѣть картины, фрески, или рѣзчики. Со всею любезностью подаетъ онъ стулъ, укажетъ на ключи около двери, а самъ отправится по своимъ.

Собственно о Веронѣ сказать нечего, а хочется поговорить объ одной замѣчательнейшей вещи въ Падуѣ, именно о капеллѣ Madonna della Arena съ фресками Джотто. Капелла эта выстроена 560 лѣтъ тому назадъ и уже по одной сторонѣ заслуживаетъ вниманія. Фрески же прекрасно сохранились. Здѣсь разсказываютъ всѣмъ путешественникамъ исторію паству Джотто, который рисовалъ разъ на пестъ палкой оуцу съ натуры. Въ это время проѣзжалъ мимо какой-то монахъ, валазъ мальчишка съ собою во Флоренцію и помогъ ему такимъ образомъ сдѣлать замѣчательнейшее личностное своего времени. Видныя нами фрески относятся къ его лучшей порѣ и дѣятельно поразительны. Конечно, иногда наивность доходитъ до смѣшнаго, но некоторые картины такъ смеловольны и рисунку до такой степени вѣренъ и хорошъ, что нужно долго вѣстать теперь чего нибудь подобнаго. Сюжеты конечно свѣщаны — Рождество Богоматери, Ея жизни, Спасителя, Его страданія, смерть и т. д. Между искусствомъ надписей, отомаски и и имени русскаго: Иванова въ 1838 году, Куряева и еще двухъ-трехъ.

Поставленныя точки означаютъ, что въ послѣдніе несколько дней, мы успѣли увидѣть много мѣстъ и мѣстечекъ, которыя были тысячу разъ описаны многими краснорѣчивыми путешественниками. Чтобы не повторять одного и того-же, разскажемъ пока случай съ нашими общими особами. Улеякъ все освѣтлѣло, разныхъ чудесъ, мы совершенно поладили о своей собственной личности и ходили чуть чуть то не оборачивая. Уже въ Падуѣ на насъ начали поглядывать иногда косо, а вотъ по началу причитъ: въ Италію одѣваются шестолѣтніе, въ тому-же тѣмъ великодушнѣйшіи и врожденная кокетливая мущины и женщины совершенно понятны. Но «viva, ho! Geister» неоразумны на это пониманіе, пока наконецъ, между Брешии и Миланомъ, ввалили балеты на желѣзную дорогу во 2 й классъ, какъ сабаету породу новыхъ людей. Вотъ ждемъ въ вокзалѣ; публика отличная; всѣ въ цилиндрахъ, барыня разодѣтыя, а мы въ круткахъ шалахахъ и пооборѣтахъ; ничего, стоимъ, хотя уже и перелѣзались и чувствуемъ себя неловко. Подбѣзжаетъ поездъ, мы выбрали мѣсто и усадились. Отдѣлился маленькій на 4 персоны. Раздѣлся зновокъ, засуетились и къ намъ вѣзла было франтиско разодѣтая фигура, но вдругъ нахмурилась брови, оглядѣла насъ съ ногъ до головы, валазъ свой сакъ и отправилась къ другому вагону. Каковъ фронтъ! Я сильно расхохотался, а товарищъ мой кажется разсердился. Дѣлать нечего; пришлось обратитъ вниманіе на самихъ себя, купить цилиндры, перчатки, выстрѣлы, словомъ *стать подъ рожицу образованной женщины* и *деятельно надѣяться столѣтій* и въ такомъ видѣ идти осматривать Миланъ.

Въ отношеніи жизни, дѣятельности и прочахъ особенностей большихъ городовъ, Миланъ занимаетъ конечно первое мѣсто. Я его сравниваю только ближе съ Парижемъ. Жить въ немъ по-стоюно и притомъ имѣть дѣла и знакомство должно быть великодушіе. Театры превосходны; обѣ Scala и говорятъ нечего; это показавъ наибольшій театръ въ Европѣ и въ немъ лучшая опера Италіи; удивная жизнь въ обширныхъ разбѣрахъ и вслѣдствіе этого фронтиско доведено до крайности; газетъ вездѣ кучи; слововъ, должно быть жизнь во всю руку.

Можете себѣ представить, каково было отутѣться среди всего этого гула, принимая жить въ тихомомъ въ маленькомъ городѣ. Въ первое время мы чувствовали себя совершенными провинциалами, тѣмъ болѣе, что и самый языкъ то еще X въ нашихъ пониманіяхъ. Мы хотѣ и говорили, но робко и конечно миллионы словъ

и оборотовъ намъ еще непонятны. Кто не поспѣетъ когда нибудь большого чужаго города, тотъ немощь себѣ представить того непонятнаго чувства робости, которое оладѣваетъ человѣкомъ плача. Это почти такое-же ощущение, какъ при первомъ разговорѣ съ личностью, о которой много слышали, но никогда еще невидѣли. Вотъ подъ такимъ въ впечатлѣніи и вступилъ мы на Corso, ушущъ съ сотнями экипировъ, фланеровъ, прелестныхъ барынь и проч. Наша филозія вѣротно такъ вотъ и говорила, что мы иностранцы, чужіе; даже дышались какъ-то особенно чутко, уши настраивались, глаза разбѣгались. Но все на свѣтъ проходило. Проживши съ недѣлю въ Миланѣ, мы были уже какъ дома, но въ постоянно радостномъ настроеніи. Миланъ прозываютъ впечатлѣніе большого города по преимуществу. Сосѣдь его Туринъ тоже очень великъ, но въ немъ жизни мало. Флоренція меньше. Римъ теперь уже не прежній Римъ, а Неаполь, по слухамъ «brigandaggio» тоже той широты и жизни не имѣетъ. Въ Миланѣ, мы художники, встрѣтали относительно меньше интереснаго, чѣмъ въ другихъ городахъ, но разумеется только относительно.

(Продолженіе будетъ.)

Петербургъ.

Страшно и подумать о произнесеніи оцінки надъ оперой Вагнера Лоэнгринъ, поставленной теперь на русской оперной сценѣ, а между тѣмъ это самая свѣжая и самая серьезная новостъ въ театральномъ мѣрѣ. Публика стремится въ театры, слушаетъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, но впечатлѣнія на большую ея половину кажутся то смутное.

Музыка Вагнера влеченіе еще не привычное даже для самыхъ ищущихъ, а тѣмъ болѣе для насъ, такъ далеко нашихъ связаться съ серьезными музыкальными произведеніями. Непонятенная во всѣхъ музыкальных тонкостяхъ, часть публики выноса впечатлѣнія такъ назвать *о-ловное*; ей показалось, что музыка умная, но не такая, которая захватываетъ всего человѣка и заставляетъ прежде всего наслаждаться безотчетно. Мнѣніи знатоковъ уже высказаны раньше нашего, такъ что мы передаемъ только непосредственныя впечатлѣнія большинства. Артисты наши исполняли свои партіи замѣчательно, въ особенности г-нъ Николайскій и г-жа Платонова. Про Николайскаго можно почти сказать, что онъ нигдѣ еще не пѣлъ такъ превосходно, какъ въ этой оперѣ.

Словомъ и толковать по поводу Лоэнгринъ нѣтъ бездна. Очень многимъ не нравится либретто вслѣдствіе неестественности отношеній между дѣйствующими лицами и дѣйствительной окружающей средѣ, но въ ихъ положеніи. Главная мысль либретто высоко человѣчана. Лоэнгринъ является спасителемъ угнетенной дѣвушки и безусловно, по одному только ей разсказу, вѣрять въ ея невинность и предается ей всецѣло. Понятно, что за такую любовь, чуждую впрямъ требовать безгражданной вѣры въ себя и соротныя женщины. Въ образѣ Эльзы, Лоэнгринъ любитъ идеалъ женственной чистоты и преданности и понятно, что при первомъ сомнѣніи съ той или съ другой стороны, такая идеальная любовь должна умереть непременно и замѣниться страданіемъ объ утраченномъ идеалѣ.

Новая дебютантка на французской сценѣ, г-жа де-Лапортъ играла еще только въ одной пьесѣ «Les idées de M-me Aubray», но успѣла уже произнести на публику самое выгодное впечатлѣніе. Всѣ восхищаются такъ сказать *интерпретировать текстомъ*, которая выражается въ ея партіи и естественностью, неподкупающе еще даже въ самыхъ эффектныхъ мѣстахъ роли. Нарушенію г-жи де-Лапортъ очень симпатична, а голость чрезвычайно мягко и выразительна.

Русские музыкальные общество приобрело в нынешнем году двух замечательных членов, г-жу Эрнст-Вардо, дочь знаменитой скрипки и лучшего ее ученицу и г-на Ауэра, скрипача, какъ говорить эпитеты, первостепенного.

Объ знаменитости участвующих в концертах музыкального общества и были приняты публично благодетельно. Какъ г-жа Вардо, такъ и г-н Ауэр, приглашены профессором въ Петербургскую консерваторию.

Назъ известной отомашиски лично къ женщинамъ, сообщаясь, что при обществѣ дешевой квартир въ Петербургѣ, учреждена новая образованная мастеровая. Главное Интендантское управление поставило въ эту мастерскую девять швейныхъ машинъ и дѣлаетъ аманда, плата за каждую работу по двѣдцати и десяти копѣекъ за штуку. Женщины остаются въ мастерской отъ восьми часовъ утра до шести вечера, вычитая изъ этого времени полтора часа на обѣдъ. Такимъ образомъ, женщины избавляются отъ самого тяжелаго труда отмысания работы и получаютъ среднимъ числомъ неменьше пятидесяти копѣекъ въ сутки. Мастерская эта въ Измайловскомъ полу въ домѣ Реймера.

16-го октября размыслилась лоттерей въ пользу Дома Малосердья. Выпущенной лоттерей выставлены были лѣтисколы времени въ квартирѣ фабриканта Савинова очень оригинальными образомъ. Русская изба была составлена изъ сто рублевыхъ билетовъ илтурнироваго лаяма. Изъ такого же материала устроена была и мясница, подѣл которой два мучные вѣшка напосады были великими выгнанными. Стогъ сѣна весь покрытъ былъ сверху серебряными вылами, коками и локнами. Главныи выгнанныи лоттерей состоятъ изъ дома въ 25 тысячъ руб. сер. Въ Москвѣ, на постоянной выставкѣ общества любителей живописи, выставлена новая картина Молера «Мать Моисея». Моментъ вѣзаетъ тогъ, когда молодая мать готовится спустить на воду ребенка. Она стоитъ на одномъ коленѣ, а на другомъ лежитъ Моисей; глаза полные слезъ, обращены къ небу. Сзади стоятъ женщины, а за кустомъ прятается меншая дочь Фарона, которая видѣть все происходящее. Сама покровительница, старшая сестра, видѣвшись вдаль съ своими прислужницами.

СМѢСЬ.

Пронадѣжидать безъ вѣсти.

Въ Лондонѣ, подобные случаи повторяются беспрестанно. Люди выходятъ изъ дому покуда не съ знакомыми и невообразимо долго до боате.

Одна молодая дѣвица, лѣтъ двадцати двухъ, такъ внезапно и тайно исчезла изъ родительскаго дома, что невозможно было напасть на самонайденный сайтъ. Независимо дѣла, похитила-ли ее кто нибудь или она ушла одна. Сдѣланы были всевозможные розыски, обшаны огромныя вознагражденія: отцу исчезнувшей, очень известному и уважаемому человеку, полагали всѣ его платательные друзья и все напрасно. Проходящій годъ за годомъ и наконецъ начали забывать объ исчезнувшей, какъ о мертвой. Больше чѣмъ сорокъ лѣтъ спустя, братецъ упомянутой дѣвицы, еще и не родившись во время ея побѣга, путешествовалъ по Австрали. Въ Сидней, мѣстная газета объявила о немъ въ числѣ невопрошенныхъ.

Однажды утромъ, когда онъ сидѣлъ въ своей гостиницѣ за завтракомъ, ему доложили, что съ нимъ желаетъ видѣться какая-то дама. Онъ принялъ ее и съ удовольствіемъ сазушалъ ея расписано о всемъ его семействѣ. Потъ концы дама отреклась отъ сестры нашего путешественника и сообщила ему свою историю. Ее похитилъ одинъ изъ слугъ ея отца и увезъ въ Австрали, гдѣ до самой смерти управляла основанною имъ гостиницѣю. Полагая, что гордые родители никогда не захотятъ вѣсть дѣло съ женою трактирщика, дама не подавала о себѣ никакихъ вѣстий.

Подобный же случай былъ съ дочерью одного утенскаго, который гулялъ съ нею по морскому берегу, до того аздувался, что очнувшись, увидалъ себя одинокимъ. Только долго спустя, повѣстие эта дѣвица на Лондонской сценѣ, но вслѣдствіе неудачъ, пала въ нищету и умерла въ какой-то блудной хижинѣ, объявивъ передъ смертью свое имя доктору.

Въ Ланселли въ южномъ Валлисѣ, исчезъ внезапно человѣкъ, имѣвшій жену и двоихъ дѣтей. Все поиски и справки оказались тщетны и, спустя нѣсколько лѣтъ, жена исчезнушаго пришла въ исполнение свѣтъ, который Мефистофель далъ Маркѣ въ Фаустѣ. Какъ-то случилось, что въ Ланселли появилась мастерица, укрѣпившая на кораблѣ ея первый суицидъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ и вдругъ пропавшій безъ вѣсти явился здоровымъ и невредимымъ на родину. Жена его въ то время уходила гулять съ своими вторымъ мужемъ и дѣтми отъ перваго брака. Вильямъ (возвратившійся мужъ) знавшій куда куда обязанно кинуть его жена уходя изъ дому, открыла дверь, вошелъ и успѣлъ пождать подѣ окномъ. Когда жена возвратилась, оба мужа, не предаваясь ложному романтизму, стали подѣ не одинъ по правую руку, другой по лѣвую и предлагали дѣмъ взглянуть въ сторону того мужа, которого она же-

лаетъ сохранить на остальную жизнь. Такъ вѣсть отъ перваго было двое дѣтей, а второй братъ оказался бездѣтнымъ, дама взглянула въ сторону перваго мужа. Замѣчания могутъ кончиться предположеніемъ, что любовничество играло въ этомъ не послѣднюю роль. Какъ-бы то ни было, во второй мужъ безпрестанно подчинился притвору и компли, разошлась дружелюбно.

Въ Неаполѣ умеръ недавно въ глубокой старости извѣстный балетмейстеръ Сальватори Таллиони, отецъ знаменитой танцовщицы, которую знаютъ по сазушкѣ еще и до сихъ поръ въ Петербургѣ, а нѣмѣе дѣла сама наслаждалась ея талантомъ. Сальватори Таллиони сочинялъ больше *духъ сота* балетовъ, изъ которыхъ назъ извѣстны: Дѣва Дуная, Сильфиды, Пери и Эмеральды.

Недавно въ Мадридѣ дано было торжественное представленіе итальянской оперы въ пользу раненыхъ при Алговерѣ. Данаелъ Фенеллу; театръ былъ полонъ. Герои дѣра Серрано, Прими и Топете сидѣли вѣзъ въ ложѣ. Дусть второго акта, начинающійся словами: «Святая Любовь къ родитѣмъ» пропѣлъ былъ Тамберликомъ и Сельвю и встрѣченъ восторженными рукоплесканими. Въ началѣ второго акта Тамберлики пропѣлъ, даже нѣсколько патристическихъ строфъ на испанскомъ языкѣ.

Восторгъ былъ чрезвычайный.

Объясненіе вырванной выкройки.

Выкройка оторвана *любя* съ косою *вытесковой*. Состоитъ изъ перека, бочка и подолными епинка. Прямая середина дѣла показана на передѣ зморошави. Дѣлая перека, выкройка только до отгнѣдъ дюрокъ. Рукавъ короткой бочкой. Бочка дѣлается въ прямомъ кускѣ, который сбривается вѣсъ у кривыхъ. Назъ лѣтъ полагается вытесковой. Теперь почти на одной бочкѣ не остается безъ слезъ, вытесковой нѣмѣе и потому мы дѣлемъ выкройку такого нѣмѣе, которое можно назвать и сѣрху обмысловенной нѣмѣе бочку превращеного. Разсужу, такого нѣмѣе читатель можетъ видѣть въ Г-нъ М. Малосердья на стр. 66—67. Во нѣмѣе поднимается вырванная выкройка: переднее подолнѣе совершенно гладкое (мы дали подолнѣе его и переднюю среднюю подолнѣе вырванъ.) Въ нѣмѣе пришивается бочковъ подолнѣе шенное съ одной только стороны. Оно заглаживается складками вырванъ косою стороны и сшивается съ переднимъ, отгнѣдъ образуется вѣзну бочку. Задняя подолнѣе подолнѣе пришивается изъ дѣлать отгнѣдъ или дѣлать, смотря по ширинѣ матеріи. На пришивъ подолнѣе конечно не нужно обшить выкройка; дѣлая изъ однихъ съ вырванъ стороны бочковъ подолнѣе, изъ которой она и пришивается. Бочковъ и задняя подолнѣе верху собираются боковыми и пришиваются къ нѣмѣе. Назъ край отгнѣдъ же подолнѣе также собирается, обшивается узенькой обшивочкой, въ которую пропущена тесьма или резина и вѣстия пришивается къ нѣмѣе. Отгнѣдъ и обшій нѣмѣе нѣмѣе ясно видны на стр. 66—67 Г-нъ М. Малосердья. Нѣмѣе нѣмѣе въ и другого нѣмѣе чѣмъ нѣмѣе, именно подѣ чѣмъ отгнѣдъ, но тогда и нѣмѣе дѣлать одинокимъ съ нѣмѣе. Это отгнѣдъ хорошо для обшивочъ уже пошенимъ платѣмъ. Часть бочковъ подолнѣе нѣмѣе, которая должна сшиваться съ пришивъ заднихъ подолнѣе, обозначена тремя вырванными на своихъ нѣмѣе край.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПО РОССИИ.

GUIDE DU VOYAGEUR EN RUSSIE.

PAR J. BASTIN;

avec l'indication des lignes routières de l'empire russe, un plan de St. Pétersbourg, un plan de Moscou, une carte de la Russie, un catalogue des tableaux de l'Hermitage et un petit guide de conversation français-russe.

Въ англійскомъ переплетѣ.

Цена 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 к.

Продается у издателя Германа Гоппе, въ СПб. На Большой Садовой ул. д. Цыганъ № 16, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

КОСМЕТИЧЕСКІЙ

и

БЛАГОВОННЫЙ МАГАЗИНЪ

САВЛУКОВА,

въ Гостиномъ дворѣ по Бердальной д. № 30
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Имѣетъ честь довести до свѣдѣній почтеннѣйшей публики, что въ послѣднее время получены имъ всевозможныя духи, мыла и помады первѣйшихъ вѣсеновѣтовъ парижской выставки, а равно всякаго рода бачковныя товары, которые продаются отнюдь въ низкую по цѣнѣ сазушкѣ удивренныя. За свѣжѣсть и добротѣю составленіемъ, рукамъ, преискусными подобно составленіемъ для г-нъ. многоразныя, нѣмѣе безвредныя съ нѣмѣе вышивающъ на тогъ предметъ почтовую марку.

АЛЕКСАНДРЪ КАЧЪ,

ФАБРИКАНТЪ МЕДЬЮВЕРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

и БРОНЗЫ,

Рекомендуетъ самыи извѣстныи вырванъ всѣхъ вещей, закупающихъ серебро, со вкусомъ выполненныхъ и не теряющихъ никогда своей цѣности, потому что принимаютъ старыя свои издѣлія въ промѣну или на деньги, за полнымъ обрѣгомъ.

Врѣзъ въ новѣйшемъ стилѣ, самымъ гшательной и со вкусомъ выполненной отгнѣдъ, съ рутасельствомъ къ хорошей позолотѣ.

Кроетъ тогъ магазинъ саблѣжъ и другія разныя рода полезныи вещички, цѣны поставлены вѣзну самыи удивренныи.

Г-нъ. изобрѣтатель по требованію вышиваются Калѣ, съ русскими белоглазѣ.

На Невск. прес., *директъ* Дуги въ д. Реска № 46.

Жители всѣхъ городовъ Россіи, вромъ С.-Петербурга, желающіе купить эту швейную машину, или же принять на себя доставку оной въ большіе города, благоволятъ обращаться въ единственную по всей Россіи агента компаніи Вилькокса и Гиббса, Ж. Б. ЛОНЪ, въ Москву, на Кузнецкомъ мосту въ домъ Князя Голицына.

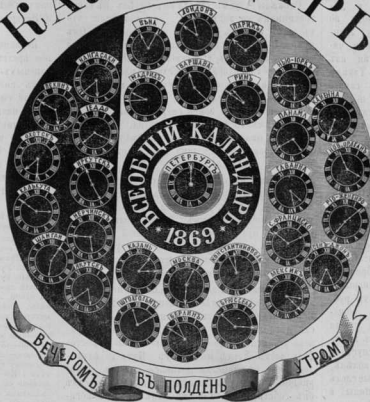
Тамъ же имеется всѣхъ лучшихъ швейная машина Гаусъ класичаго и выборъ материаловъ для швейныхъ машинъ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ВСЕОБЩІЙ 1869. КАЛЕНДАРЬ 1869.

СОКРАЩЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ:

Святны и полныи постоянный мѣсяцесловъ всѣхъ Святыхъ. — Протестантскій, Католическій, Еврейскій и Магометанскій календари. — Астрономическія свѣдѣнія. — Календари капиталистовъ. — О господскихъ и прочихъ церковныхъ праздникахъ. — О пѣтиторыхъ особыхъ праздникахъ и церковныхъ дняхъ, постахъ, насобдахъ, споминихъ (всѣхъ) недѣляхъ, переходящихъ праздникахъ и дняхъ поминовения. — О крестныхъ ходахъ. — Указаніе обителей и храмовъ, гдѣ почитаютъ мощи Св. угодниковъ. — О чудотворныхъ иконахъ. — Пасхаля, указывающая переходящіе въ числахъ праздники и посты на XVIII, XIX и начало XX столѣтія. — Генеалогія иностранцевъ. Государей и владѣтельныхъ княжескихъ фамилій. — О Россійскихъ и иностранныхъ орденахъ. — Описание некоторыхъ употребительнѣйшихъ флаговъ, раздѣленныхъ государствъ всѣхъ 5 частей свѣта.

Хронологія важнѣйшихъ историческихъ и другихъ почему либо памятныхъ событий отъ и до Рождества Христова. — Таблицы о климатѣ Россіи. — Опытъ метеорологическихъ пред-

СОКРАЩЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ:

скаваній на сто лѣтъ. — Статистическій и географическій отдѣлъ. — Обзоріе Государственныхъ доходовъ и расходовъ съ 1863 по 1868 г. — Метрологическій отдѣлъ. — Свѣдѣнія о финансовыхъ учрежденіяхъ, коммерческихъ предпріятіяхъ, обществахъ, оборотахъ, процентныхъ бумагахъ, армаряхъ и проч. — Таблицы посаженныхъ тиражей всѣхъ Государственныхъ процентныхъ бумагъ. — О цѣнахъ, по которымъ акціи, облигации и другія процентныя бумаги принимаются въ закладъ. — Вѣщная торговля Россіи въ 1867 г. — Общій Таможенный тарифъ, утвержденный 5 Іюля 1868 г. — Почтовые и телеграфныя свѣдѣнія, съ таксами. — Судебныя свѣдѣнія, съ необходимыми дальзаніями каждаго. — Таковы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ, нотариусовъ, судебныхъ приставовъ и друг. лицъ. — Новое положеніе о нотариальной части. — Отдѣлы разныхъ свѣдѣній. — О минеральныхъ водахъ въ Россіи. — Адресъ Календаря присутственныхъ мѣстъ, начальствующихъ въ нихъ лицъ, мировыхъ судей, нотариусовъ, присяжныхъ повѣренныхъ и пр.

на 1869 годъ.

(Въ красной оберткѣ съ часами.)
(болѣе 50 печатныхъ листовъ).

ИЗДАНИЕ ГЕРМАНА ГОННЕ.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

НА БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ ИЛЬИНА № 16.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВСЕОБЩЕМУ КАЛЕНДАРЮ 1869 г.:

Табель домовъ и улицъ С.-Петербурга, составленная въ алфавитномъ порядкѣ по направленію улицъ и указывающая чей домъ въ какой части и въ которыхъ полицейскомъ и мировомъ участкахъ состоитъ.

Новѣйшій планъ С.-Петербурга.

Стѣнной Календарь на 1869 годъ.

Планы С.-Петербургскихъ и Московскихъ театровъ.

ЦѢНА ВСЕОБЩЕМУ КАЛЕНДАРЮ:

Въ бумажкѣ	1 руб. — коп., съ перес.	1 руб. 30 к.
Въ папкѣ	1 > 25 >	1 > 50 >
Въ коленкор. переп.	1 > 50 >	2 > —

Гг. иногородныхъ, желающихъ приобрести Всеобщій Календарь на 1869 годъ, покорно прошу выпискою его поторопиться, потому что громадное количество требованій поступаетъ ежедневно и онъ вѣроятно будетъ распроданъ въ самомъ скоромъ времени.

РЪЗЕЦЪ для сниманія рисунковъ и выкроекъ, продается въ Конторѣ Редакціи журнала „МОДНЫЙ СВѢТЪ“, у издателя Германа Гонне, по Вол. Сад. ул. д. Ильина № 16.

ЦѢНА 60 коп. сер., съ перес. 1 руб. сер.

Главная Контора Редакціи ГЕРМАНА ГОННЕ находится въ С.-Петербургѣ, по большой Садовой улицѣ въ д. Ильина, № 16.

Доставка почтою. С.-Петербургъ, 19 Октября 1868 г.

Издатель Германъ Гонне. — Редакторъ Ю. П. Покорнаго.

Типографія и Литературная Касса Кнѣ, у Лѣвцова моста, д. № 48.